

МАЛЬЦЕВА Вера Андреевна

Аспирант, ассистент кафедры мировой экономики

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 251-96-10
E-mail: maltsevava@gmail.com

Ключевые слова

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА
ВНУТРЕННЯЯ ПОДДЕРЖКА
ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОГЛАШЕНИЕ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
ТАРИФНАЯ ЗАЩИТА
ТАРИФНОЕ КВОТИРОВАНИЕ
ЭКСПОРТНЫЕ СУБСИДИИ

Аннотация

В статье представлена сводная характеристика базовых обязательств России по корректировке государственной аграрной политики при вступлении в ВТО. Рассматривается специфика действующего РФ на современном этапе базового инструментария аграрной политики через призму Соглашения о сельском хозяйстве ВТО в трех главных аспектах: доступ на внутренний рынок, внутренняя поддержка, поддержка экспортной конкуренции. Анализируется зарубежный опыт реализации Соглашения о сельском хозяйстве в отношении внутренней поддержки.

JEL classification

F13, Q18

Особенности государственной поддержки сельского хозяйства РФ в условиях ВТО*

В августе 2012 г. начался 7-летний переходный период присоединения России к ВТО. Для российского сельского хозяйства, как отрасли, имеющей стратегическое значение для экономики страны, тем более оказавшейся «связанной», пожалуй, самым обширным пакетом структурированных по срокам исполнения и функционалу обязательств, критически важно оценить первые результаты обретенного «членства», выявить узловые проблемы этапа встраивания в систему многостороннего регулирования рынков сельскохозяйственного сырья и продовольствия и наметить возможный алгоритм поэтапного согласования государственной аграрной политики РФ и установленных в рамках ВТО правил. Поиск ответов на поставленные вопросы облегчит детализация базовых условий вступления в ВТО для сельского хозяйства страны.

Задействуемый Россией на современном этапе базовый инструментарий государственной аграрной политики разберем на составляющие в разрезе оговоренных в Соглашении о сельском хозяйстве ВТО правил организации внутренней поддержки агропроизводителей, доступа иностранных участников на собственный рынок и экспортного субсидирования сельхозтоваропроизводителей. Первый пункт целесообразно, по возможности, разложить по так называемым «корзинам», отталкиваясь, естественно, от их сводной «кубатуры». К сожалению, структурировать суммар-

ный объем внутренней государственной поддержки, руководствуясь только статьей «расходы консолидированного бюджета на сельское хозяйство и рыболовство», невозможно. Этому препятствует нестыкуемость российского бюджетного классификатора с уложениями ВТО (как и ОЭСР), порождающая «вуализацию» многих расходных позиций, адресованных сельскому хозяйству, в других разделах бюджета (развитие электроэнергетики, дорожного хозяйства, жилищного строительства, Крайнего Севера, др.), на что, впрочем, неоднократно с 1990-х годов обращалось внимание специалистов¹. Данное затруднение можно попытаться обойти, воспользовавшись материалами официальных заявок России, подававшихся при «уторговывании» вопросов будущего членства в ВТО, и – для сравнения – расчетами ОЭСР (табл. 1).

В силу методологической несводимости, в решающей степени объясняемой отмечавшимися выше принципиально разными подходами к оценке MPS как ключевого звена господдержки в AMS («версия» ВТО) и PSE («редакция» ОЭСР), для удобства восприятия сведенными нами в табл. 2, данные ВТО и

¹ См. подробнее: Серова Е.В. и др. Агропродовольственная политика и международная торговля: российский аспект. М.: ИЭПП, 2001; Серова Е.В. и др. Аграрная политика России: перспективы ее реформирования. М.: ИЭПП, 2004; Шагайда Н.И. Оценка бюджетных расходов и бюджетной поддержки сельхозпроизводителей // АПК: экономика и управление. 2012. № 12; др.

Таблица 1 – Поддержка сельского хозяйства России по методологии ВТО и ОЭСР, млрд дол. [8. P. 207–208]

Показатель	1991–1993	1993–1995	2001–2003	2004–2006	2006–2008
Данные ВТО	16,2	9,0	4,4
Данные ОЭСР (без учета MPS)	5,8	7,6	1,4	2,0	4,0

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-32-01003 «Разработка модели адаптации государственной аграрной политики РФ к требованиям ВТО».

Материалы статьи легли в основу доклада на круглом столе «Агропродовольственный рынок Свердловской области в условиях ВТО: проблемы и перспективы» в Министерстве агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области 24 сентября 2013 г.

The Peculiarities of State Support of Russian Agriculture in the Context of the WTO

ОЭСР (что подтверждают приведенные в табл. 1 показатели) могут различаться в разы. Не задерживаясь на деталях, ограничимся констатацией полюсной позиции: в базовом для РФ периоде 2006–2008 гг. ВТО засчитал России нулевой MPS, тогда как ОЭСР отвел поддержке рыночных цен 65% PSE [6. P. 237]. Возвращаясь к теме собственно «крупноблочного» наполнения государственной аграрной политики РФ, приходится признать: официальная российская статистика – ввиду отсутствия надобности – разделения мер содействия на «корзины ВТО» никогда не предпринимала. Можно сослаться разве что на прикидочные расчеты отечественных экспертов, отводивших зеленой корзине в 1990-х годах примерно 60% совокупной поддержки, «усохших» до 1/3 в среднем за 2006–2008 гг. [3. С. 60] и до 20% в 2010–2012 гг. [5]. Пожалуй, первую официальную попытку такого рассредоточения МСХ РФ принял в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия

на 2013–2020 гг., стыкуя компоновку ее расходных статей с согласованными с ВТО обязательствами (рис. 1).

Начнем с ключевого «пункта преткновения» в повестке многолетних переговоров о присоединении РФ к ВТО – параметров разрешенной внутренней поддержки сельского хозяйства, обчитываемой агрегированным показателем AMS, захватывающим большую часть сводной желтой корзины. В абсолютном выражении на ее долю в России в начале 2010-х годов приходилось 4,7 млрд дол., что, в принципе, сопоставимо с аналогичным итогом ЕС (8,8 млрд евро) и тем более США (4,1 млрд дол.), но полярно несопоставимо в удельном исчислении: 80% – 11,2% – 3,2% всей господдержки агропроизводителей соответственно [10; 14]. В итоговом протоколе о присоединении РФ к ВТО зафиксировано пятиэтапное (равными шагами по 0,9 млрд дол. с 2014 г.) сжатие желтой корзины с 9 млрд дол., соответствующих среднегодовому AMS за 1993–1995 гг., до 4,4 млрд дол., или эквиваленту того же показателя, усредненного за базовые 2006–2008 гг. Вообще-то это беспрецедентное реше-

Таблица 2 – Структурное наполнение AMS и PSE [9]

AMS	PSE
<ul style="list-style-type: none"> ● Продуктивно-специфическая поддержка. ● Универсальная (продуктово-неспецифическая поддержка). ● Вычет de minimis. <p>В обоих случаях ГПСХ складывается из MPS/Market Price Support или поддержки рыночных цен, но без учета импортных пошлин и экспортных субсидий, а также неисключаемых из расчета прямых и прочих платежей фермерам. Потоварная и универсальная ГПСХ, укладываемая в норматив de minimis, подлежит вычету из AMS</p>	<ul style="list-style-type: none"> ● ГПСХ, увязанная с производством товаров (включая MPS с учетом импортных пошлин и экспортных субсидий). ● Платежи, увязанные с текущим объемом посевных площадей/поголовья скота/валовой выручки/полученного дохода. ● Платежи, не увязанные с текущим объемом посевных площадей/поголовья скота/валовой выручки/полученного дохода, но предполагающие встречные производственные обязательства. ● Платежи, не увязанные с текущим объемом посевных площадей/поголовья скота/валовой выручки/полученного дохода и не предполагающие встречные производственные обязательства. ● Платежи, не увязанные с товарным производством (выведение ресурсов из оборота, специфическое нетоварное производство; др.)

► **Vera A. MALTSEVA**
Postgraduate, Jr. Lecturer
of Global Economy Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
8 Marta/Narodnoy voli St., 62/45
Phone: (343) 251-96-10
E-mail: maltsevava@gmail.com

Key words

AGRICULTURAL POLICY
DOMESTIC SUPPORT
THE WTO
AGREEMENT ON AGRICULTURE
TARIFF PROTECTION
TARIFF QUOTAS
EXPORT SUBSIDIES

Summary

The article provides overall characteristics of Russia's basic obligations to adopt its state agrarian policy when accessing the WTO. The author considers the specifics of contemporary Russian agricultural policy according to the Agreement on Agriculture and examines its three main aspects: access to domestic market, domestic support, and export subsidies. International experience of implementing the Agreement on Agriculture in terms of domestic support is analyzed.

JEL classification

F13, Q18

Источники

1. Киселев С., Ромашин Р. Вступление России в ВТО: влияние на сельскохозяйственную торговлю и производство. Исследовательский доклад №40. ICTSD, июнь 2012.
2. Презентация Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. URL: www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm
3. Серова Е.В., Карлова Н., Тихонова Т. и др. Перспективы реформирования аграрной политики России // Научные труды № 74Р. М.: ИЭПП, 2004.
4. Ушачев И.Г. Научное обеспечение Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. // Доклад на Общем собрании Россельхозакадемии 14 февраля 2013 г. URL: www.vniiesh.ru/news/9671.html
5. Ушачев И.Г., Серков А.Ф., Сипиц С.О. и др. О рисках и угрозах обеспечения конкурентоспособности продукции сельского хозяйства в условиях присоединения России к ВТО // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 8. URL: www.vniiesh.ru/news/9651.html
6. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2011: OECD Countries and Emerging Economies // OECD Publishing, 2011.
7. Agricultural Subsidies in the WTO Green Box: Ensuring Coherence with Sustainable Development Goals // ICTSD Information Note Number 16. September 2009.
8. Brink L., Orden D., Datz G. BRIC Agricultural Policies through a WTO Lens // Journal of Agricultural Economics. 2013. Vol. 64. No. 1.
9. Effland A. Classifying and Measuring Agricultural Support: Identifying Differences Between the WTO and OECD Systems. Economic Information Bulletin Number 74 // Economic Research Service USDA. March 2011.
10. EU WTO Notification G/AG/N/EU/10. 19 November 2012.
11. Kiselev S. Effects of Russia's WTO Accession on Agriculture and Food Sector // FAO Regional Office for Europe and Central Asia. July 2013.
12. Market Access: Unfinished Business // WTO Special Studies 6. URL: www.wto.org/english/res_e/booksp_e/maccess_e.pdf
13. OECD Statistics. URL: <http://stats.oecd.org/>
14. US WTO Notification G/AG/N/USA/89. October 1, 2012.
15. WTO Documents. URL: <https://docs.wto.org>
16. WTO Trade Profile 2012. URL: <http://wto.org/>

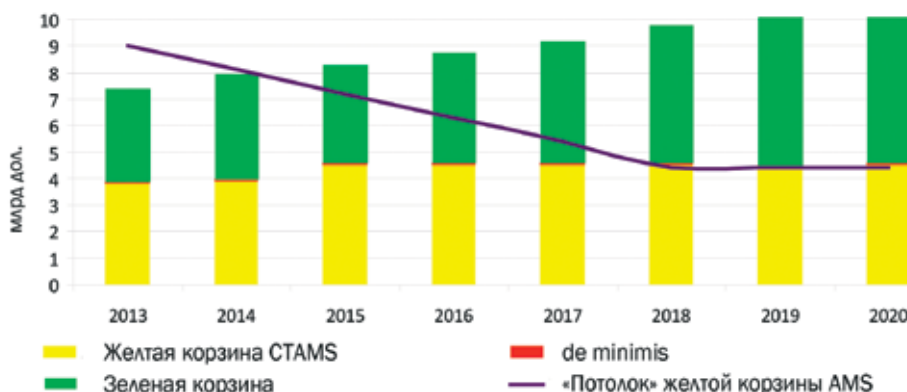

Рис. 1. Планируемая структура государственной поддержки сельского хозяйства РФ на 2013–2020 гг. [2]

ние в практике ВТО, чтобы переходный период присоединения страна начинала с AMS, превышающим значение «базы», а завершала на уровне оговариваемого для новичка «старта». Правда, еще раз подчеркнем, в обчислительный по методике ВТО объем AMS для РФ не включены такие стандартные для ОЭСР инструменты ценовой поддержки, как внешне-торговые тарифы и меры нетарифного воздействия на рынок, что существенно занижает связанный уровень государственной поддержки сельского хозяйства 4,4 млрд дол. по сравнению с российским же PSE в «базе» (8,0 млрд дол. [13]). Вторая особенность абсолютной величины разрешенной ВТО господдержки российского сельского хозяйства касается использования механизма de minimis. Россия вступила в ВТО, как, кстати, и Украина, в статусе развитого государства, поэтому уровень de minimis для нее установлен на отметке 10, а не 5% (у Китая, оформившего членство как развивающаяся страна, показатель 8,5%). Из этого вытекает важнейшее следствие: как развитая держава Россия лишена возможности задействовать так называемую корзину развития, доступную только развивающимся странам, для выведения части мер желтой корзины из учета AMS. Между тем в Индии доля development box в общем объеме поддержки сельского хозяйства в первые годы после вступления в ВТО составляла 41% (сохранившись на уровне 8% ВВП к началу 2010-х годов), в Мексике – 31%, Бразилии – 16% [7]. Наконец, в-третьих, Россия, как и остальные страны БРИК, не применяет инструменты, классификационно относимые ВТО к голубой корзине, которые, наравне с зеленой корзиной, в AMS не обчисляются.

С чисто технической точки зрения оформления количественных параметров российских обязательств перед ВТО

принципиально важно отметить также их фиксацию одновременно в рублях и долларах с указанием использованного для пересчета обменного курса. Для сравнения: Бразилия при присоединении указала долларовый эквивалент AMS, а Индия и Китай заявили ее соответственно в рупиях и юанях, что давало возможность на годы вперед при пересчете внутренних цен в доллары по заниженному курсу сохранять страновой MPS на нулевом или даже отрицательном уровне. Итоговый уровень «связывания» AMS для РФ (4,4 млрд дол.) составляет 5,4% ВВП в 2010 г. (5,7% ВВП в «базе»), тогда как для Бразилии – 1,1% (в Индии и Китае AMS «связан» на нулевой отметке). С другой стороны, «потолок» обязательств по применению AMS для США (19,1 млрд дол.) равен 5,7% ВВП в 2010 г., для ЕС (72,2 млрд евро) – 21% от уровня ВВП в 2008/2009 г.

Перейдем от количественных к качественным характеристикам российской желтой корзины AMS. К характерным особенностям ее структуры следует отнести 10-кратное доминирование продукто-неспецифической поддержки (субсидирование входных ресурсов: поставок удобрений, химикатов, топлива, семян; лизинг машин и оборудования, скота; страхование урожая; льготное кредитование; др.) над продукто-специфическими мерами, составлявшими лишь 8% от AMS РФ в базовом периоде, что, кстати, присуще всем странам БРИК, но нехарактерно для аграрной политики развитых стран. Так, например, в ЕС в 2009/2010 г. (самые последние на 2013 г. данные, представленные в КСХ ВТО) на продукто-неспецифическую поддержку приходилось 6,8% AMS, к которому, по большому счету, следовало бы приплюсовать несвязанные прямые выплаты производителям, «проводившиеся» по зеленой корзине в объемах, занимавших

Таблица 3 – Расчет связанного уровня AMS для РФ в базовом периоде 2006–2008 гг., млн дол. [8. Р. 209]

Показатель	2006			2007			2008		
	Объем AMS	% от ВСХП	de minimis	Объем AMS	% от ВСХП	de minimis	Объем AMS	% от ВСХП	de minimis
I. Продуктово-специфическая поддержка	232,5		201,2	267,5		230,2	535,3		477,5
Льноводство	5,5	45,3		7,3	41,3		14,5	60,8	
Овцеводство	8,8	5,1		15,1	2,5	dm	27,0	3,4	dm
Оленеводство	17,0	70,0		30,0	117,4		35,0	65,7	
Коневодство	–	–		1,2	0,7	dm	8,3	5,3	
Производство молока	155,6	1,9	dm	131,6	2,0	dm	362,2	2,4	dm
Производство мяса	33,9	0,4	dm	67,3	0,3	dm	69,2	0,5	dm
Производство яиц	11,3	0,5	dm	13,8	0,5	dm	18,8	0,5	dm
Производство шерсти	0,4	1,0	dm	1,2	2,4	dm	0,3	0,4	dm
II. Продуктово-неспецифическая (универсальная) поддержка	3744,9	6,3		3827,2	5,1		5596,1	5,6	
Субсидирование текущих затрат	1455,5			756,6			1969,3		
Субсидирование капитальных затрат	482,3			560,3			647,8		
Льготное кредитование	1318,9			1618,8			1858,6		
Субсидирование страхования посевов	245,4			143,1			174,7		
Субсидирование ж/д тарифов	94,2			101,5			63,0		
Общепроизводственное субсидирование	148,7			196,0			338,6		
Прочие субсидии	–			450,8			544,2		
ИТОГО: (I – dm)+(II – dm) = СТАМС	3776,2			3864,4			5653,9		
Средний AMS за 2006–2008 гг. = 4389,4 млн дол. ≈ 4,4 млрд дол.									

1/2 ее сводной «емкости». США (2010 г.), в свою очередь, грамотно разведя примерно равные объемы продуктово-неспецифической (5,4 млрд дол.) и по-продуктовой господдержки сельского хозяйства (4,1 млрд дол.), «уложили» оба параметра в рамки 5%-ного лимита de minimis, что позволило вывести их из расчета итогового AMS. В РФ в 2006–2008 гг. 97% продуктово-специфической поддержки оказывалось подотраслям животноводства, при этом, за исключением льноводства и северного оленеводства практически по всем остальным позициям, потенциально возможный 5%-ный вычет de minimis не выбирался (табл. 3), что подталкивает к необходимости структурной трансформации государственной аграрной политики страны с учетом «встроенного» WTO ограничения, согласно которому суммарная величина попродуктовых AMS не должна превышать 30% сводного объема универсальной поддержки сельского хозяйства России.

Второй важнейший блок российских обязательств перед WTO относится к доступу на внутренний рынок сельскохозяйственной продукции. Его можно разделить на три составляющие: тарифная защита, тарифные квоты и нетарифные

Таблица 4 – Средневзвешенные тарифы на сельскохозяйственную продукцию: применяемые и связанные ставки [1; 16]

Страна	Применяемые ставки						Конечные связанные ставки
	2000	2007	2008	2009	2010	2011	
Россия	9,9*	14,6	14,2	13,2	13,5	14,3	10,8
Украина	...	23,0	13,0	9,7	9,8	9,5	11,0
Китай	15,9*	15,8	15,6	15,6	15,6	15,6	15,7
Аргентина	15,0	10,2	10,3	10,3	10,3	...	32,4
Бразилия	15,6	10,3	10,2	10,2	13,7	13,7	35,4
ЮАР	5,8	9,2	9,3	8,9	9,0	9,1	39,2
Индия	47,4	34,4	32,2	31,8	31,4	...	113,1

* Данные за 2001 г.

ограничения. Ключевым обязательством, принятым РФ в отношении сокращения тарифной защиты, стало связывание ставки таможенного тарифа на сельскохозяйственные товары на уровне 10,8%, что на 25% ниже фактического уровня защиты в 2011 г. Анализируя табл. 4, нетрудно заметить, что средняя связанная ставка РФ серьезно уступает соответствующим параметрам основных развивающихся стран. К тому же фактически применяемые средневзвешенные тарифы в большинстве развивающихся стран, за исключением Китая и Украины,

кратно уступают уровням «связывания».

В потоварном разрезе ослабление тарифной защиты в большей степени коснулось зерновых и продуктов из зерна (сокращение на 43,9% к уровню 2011 г.), в умеренной степени – молочной продукции (на 15,8%), маслосемян, жиров и масел (на 12,6%), сахара и кондитерских изделий (на 11,3%), в самой незначительной – кофе и чая (применявшаяся в 2011 г. ставка оказалась даже ниже связанной). Наиболее чувствительное «разоружение» выпало на долю животноводства. Самая драматичная ситуация

References

1. Kiselev S., Romashin R. Russia's accession to the WTO: impact on agriculture and production. [Vstuplenie Rossii v VTO: vliyaniye na sel'skokhozyaystvennyuyu trgovlyu i proizvodstvo]. *Issledovatel'skiy doklad – Research Report*, no. 40. IC-TSD. June, 2012. P. 37.
2. Presentation of the state program of agriculture development and regulation of markets of agricultural products, raw materials and foodstuffs for 2013–2020. [Prezentatsiya Gosudarstvennoy programmy razvitiya sel'skogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013–2020 gody]. Available at: www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm
3. Serova E.V., Karlova N., Tikhonova T., Khranova I., Shik O. The prospects of Russia's agricultural policy reforming. [Perspektivy reformirovaniya agrarnoy politiki Rossii]. *Nauchnye trudy – Scientific Works*, no. 74R. Moscow, IETP, 2004. P. 60.
4. Ushachev I.G. Scientific support of the State program of agriculture development and regulation of agriculture, raw materials and foodstuffs markets for the period of 2013–2020. [Nauchnoye obespechenie Gosudarstvennoy programmy razvitiya sel'skogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013–2020 gg.]. Report at the General Meeting of RAAS of February 14, 2013. [Doklad na Obshchem sobranii Rossel'khozakademii 14 fevralya 2013 g.]. Available at: www.vniiesh.ru/news/9671.html
5. Ushachev I.G., Serkov A.F., Siptits S.O., Chekalin V.S., Tarasov V.I. On risks and threats to ensure competitiveness of agricultural products in terms of Russia's accession to the WTO. [O riskakh i ugrozakh obespecheniya konkurentosposobnosti produktsii sel'skogo khozyaystva v usloviyakh prisoedineniya Rossii k VTO]. *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy – Economy of Agricultural and Processing Enterprises*, 2012, no. 8. Available at: www.vniiesh.ru/news/9651.html
6. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2011: OECD Countries and Emerging Economies. OECD Publishing, 2011, p. 237.
7. Agricultural Subsidies in the WTO Green Box: Ensuring Coherence with Sustainable Development Goals. ICTSD Information Note Number 16. September, 2009. P. 7.
8. Brink L., Orden D., Datz G. BRIC Agricultural Policies through a WTO Lens. *Journal of Agricultural Economics*, 2013, vol. 64, no. 1.
9. Effland A. Classifying and Measuring Agricultural Support: Identifying Differences Between the WTO and OECD Systems. *Economic Information Bulletin Number 74. Economic Research Service USDA*. March, 2011. P. 8.
10. EU WTO Notification G/AG/N/EU/10. 19 November, 2012.
11. Kiselev S. Effects of Russia's WTO Accession on Agriculture and Food Sector. *FAO Regional Office for Europe and Central Asia*. July, 2013. P. 22.
12. Market Access: Unfinished Business // WTO Special Studies 6. Available at: www.wto.org/english/res_e/booksp_e/maccess_e.pdf
13. OECD Statistics. Available at: <http://stats.oecd.org/>
14. US WTO Notification G/AG/N/USA/89. October 1, 2012.
15. WTO Documents. Available at: <https://docs.wto.org>
16. WTO Trade Profile 2012. Available at: <http://wto.org/>

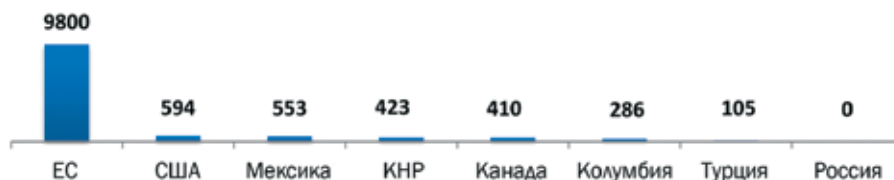

Рис. 2. Связанные объемы экспортных субсидий в некоторых странах-членах ВТО, млн дол. [4]

сложилась в свиноводстве: пошлина на импорт живых свиней снижена с 40 до 5%, 15%-ная пошлина на свинину и свиные субпродукты внутри квот обнулена, а сверхквотная ставка сокращена с 75 до 65%. Помимо мяса одним из самых чувствительных к снижению тарифной защиты товаров является сахар. Итогом переговоров стало снижение верхней планки плавающей ставки тарифа на сахар-сырец с 270 до 250 дол./т в случае падения среднемесячной цены ниже 100 дол./т (нижняя планка – 140 дол./т – осталась без изменений).

Присоединившись к ВТО, Россия продолжит применение режима тарифного квотирования в отношении мяса и молочной сыворотки. Срок окончания режима тарифного квотирования импорта мяса КРС и птицы не определен, а для свинины отнесен на 2020 г., после чего квоту сменит плоский тариф в размере 25%. Любопытно заметить, что в ряде развивающихся стран, согласно условиям членства в ВТО, тарифные квоты распространяются также на крайне ограниченный перечень чувствительных товаров, например, в Бразилии – на 2 вида продукции (зерновые и фрукты), Индии – 4 (кукуруза, сухое молоко, рапсовое или горчичное масло, подсолнечное масло), Китае – 7 (рис, пшеница, кукуруза, хлопок, шерсть, пищевые растительные масла, сахар), в Украине – только в отношении сахара-сырца [12. P. 75]. С другой стороны, многие развитые государства используют инструменты протекционистской защиты более чем активно. В частности, в ЕС тарифным квотированием охвачено 11,3% суммарного сельскохозяйственного импорта, а специальными защитными мерами – 23,9%, при том что верхняя планка разрешенного связанного импортного тарифа как в ЕС, так и в США в целом ряде случаев на порядок превосходит допустимые пороги защиты в РФ.

И еще одна грань российских обязательств. Россия вступила в ВТО на специфических условиях, так называемых «ВТО-плюс», которые предусматривают

дополнительные ограничения, особенно жесткие по отношению к развитым странам. Среди этих дополнительных требований фигурирует полный запрет на использование экспортных субсидий, которыми, несмотря на постоянные возражения развивающихся стран, в настоящее время продолжают широко пользоваться США и ЕС (рис. 2). Помимо связывания экспортного субсидирования на уровне 0% (хотя экспортные субсидии аграриям в РФ не предоставлялись), российские обязательства перед ВТО предполагают сокращение ставок экспортного тарифа в отношении некоторых сельскохозяйственных и продовольственных товаров, в частности, подлежат обнулению 20%-ная вывозная пошлина на соевые бобы в трехлетний период, 10%-ная – на семена горчицы в течение года и 6,5%-ная – на спиртные напитки при параллельном сокращении с 20 до 6,5% ставки на семена подсолнечника в четырехлетний и на рапс – в трехлетний период [11. P. 22].

Выработке алгоритма адаптации российской аграрной политики к новым реалиям может также помочь осмысление соответствующей практики зарубежных стран. Из наиболее показательных примеров успешного лавирования между обязательствами перед ВТО и отстаиванием собственных интересов выделим следующие моменты. Во-первых, «потолочные» обязательства по AMS принято, в целом, не нарушать, по крайней мере, на бумаге: например, ни США, ни ЕС формально за весь отслеживаемый период «за черту» не переступали, хотя Бразилия продолжает настаивать, что США в 1999–2005 гг. ежегодно нарушали свои обязательства, применяя разнообразные ценовые субсидии в ущерб бразильскому сельскохозяйственному экспорту, а Австралия, Бразилия и Таиланд в Апелляционном суде ВТО неоднократно пытались доказать, что внутренняя поддержка сахаропроизводителей в ЕС представляет собой разновидность экспортного субсидирования. Во-вторых, в подтверждение своей правоты страны, как выясняется,

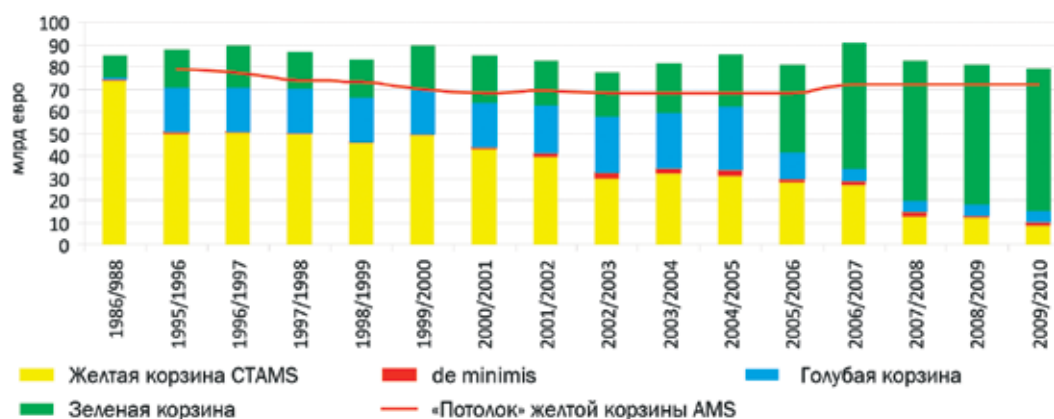

Рис. 3. Реализация государственной аграрной политики ЕС в контексте обязательств перед ВТО [15]

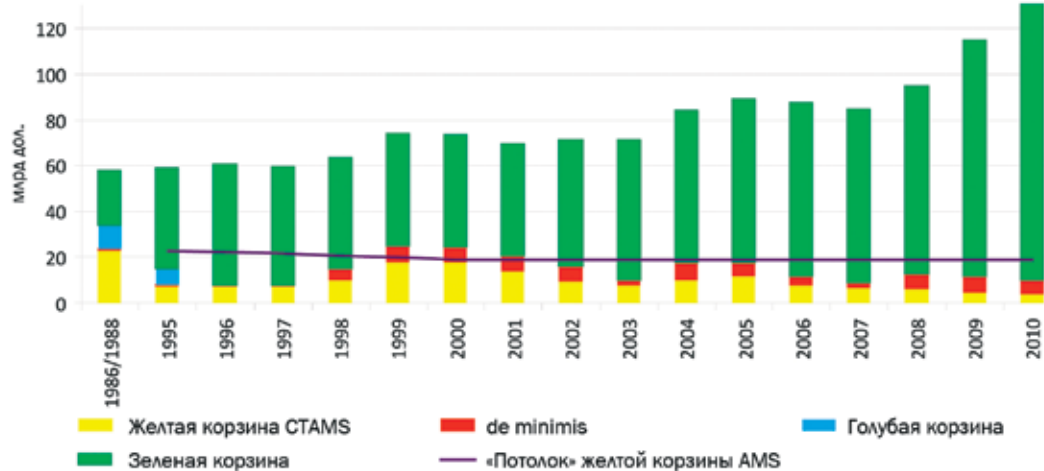

Рис. 4. Реализация государственной аграрной политики США в контексте обязательств перед ВТО [15]

прибегают к различного рода уловкам: от частичного выведения ограничиваемых мер господдержки в голубую корзину или перевода прямых выплат производителям в программу несвязанной поддержки Single Payment Scheme (ЕС) до «подгонки» универсальной и продуктово-специфической поддержки к 5%-ному лимиту de minimis (США) (рис. 3, 4). В-третьих, несколько неловко отмечать более чем распространенную практику «технических» задержек подачи соответствующих уведомлений в КСХ под предлогами трудностей в сборе первичной информации, методологических расхождений в ее обработке, но это факт: Бразилия стала задерживать подачу своих уведомлений с началом Дохийского раунда переговоров; Китай при вступлении, как и положено, представил все материалы за «базовые» 1996–1998 гг., но в 2006 г. – за 1999–2001 гг., а в 2011 г. – за период 2002–2008 гг.; Индия же лишь в мае 2011 г. подала уведомления за 1996/1996–1997/1998 гг., а в июле 2011 г. – за период по 2003/2004 г. включительно [8. Р. 201].

Выводы:

1. Запланированные Госпрограммой на 2013–2020 гг. расходы на поддержку отрасли, «приговоренные» к поэтапным сокращениям в переходный период присоединения к ВТО, с «запасом» соответствуют принятым обязательствам, оставляя простор для расширения содействия в рамках желтой корзины и утвержденных лимитов de minimis, но по окончании переходного периода их сдерживающее влияние в РФ будет ощущаться сильнее, чем «потолочные» лимиты для тех же США и ЕС, и тем острее, чем быстрее будет развиваться аграрный сектор РФ.

2. В импортной политике самоограничения по применению тарифного пакета «взывают» к максимально возможному задействованию разрешенного правилами ВТО нетарифного инструментария санитарного, фитосанитарного, ветеринарного характера, а в разрезе поддержки экспортеров, как минимум – к поиску «союзников» по Дохийскому раунду переговоров для сдерживания параметров экспортного субсидирования развитыми странами, как максимум –

к шлифовке практически не используемых Россией механизмов государственных экспортных кредитов и гарантий.

3. Примерный алгоритм смягчения «тисков» уровня разрешенной поддержки РФ может включать, во-первых, увеличение продуктово-специфической поддержки до уровня 5%-ного de minimis (сейчас большая часть колеблется в диапазоне 1%), во-вторых, реструктуризацию пакета универсальной AMS с целью включения части мер в зеленую корзину, в-третьих, максимальное задействование мер зеленой корзины (продовольственные программы, сельское развитие, поддержка неблагоприятных для ведения сельского хозяйства регионов). ■